

Косарев Владислав

МАРКИЗ.

Совсем не детская
история

Владислав Косарев

Маркиз. Совсем не детская история

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73504008

SelfPub; 2026

Аннотация

Сказка, которая превращается в хоррор, ледящий душу.

В уютном дачном посёлке, где пахнет цветущей смородиной и скошенной травой, живёт рыжий кот Маркиз. Он ворчит на ёжиков, греется на солнышке и думает, что жизнь прекрасна.

Пока однажды в лесу не зажигаются жёлтые глаза.

Чёрный кот приходит без звука. Не нападает – просто стоит на опушке и смотрит. День за днём. Ночь за ночью. Страх просачивается в дом, въедается в шкуру, заполняет головы.

А потом начинается кошмар.

Ночь сгущается. По ту сторону окна кто-то ходит. В темноте воют псы. А та, кого они приютили, хранит страшную тайну.

Маркизу предстоит пройти через тьму, где каждый шаг может стать последним. Где друзья оказываются чужими, а враги – единственным шансом на спасение.

Для тех, кто думал, что сказки бывают только добрыми.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Последний спокойный закат	6
Глава 2. Тот, кто смотрит из темноты	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Владислав Косарев

Маркиз. Совсем не детская история

Пролог

Иногда мне кажется, что мир устроен неправильно.

В нём слишком много тех, кто хочет быть добрым, но не знает как. И слишком мало тех, кто готов защищать, даже если для этого приходится быть злым.

Я не сразу это понял.

Я вообще много чего не сразу понял. Например, что страх – это не всегда про слабость. Иногда страх – это про любовь. Про то, что ты боишься потерять того, без кого твоя жизнь перестанет иметь смысл.

Или что самые страшные вещи случаются не ночью, а среди бела дня. Когда светит солнце, поют птицы, и ничто не предвещает беды. Потому что настоящая тьма приходит не снаружи. Она просыпается внутри тебя.

Или что глаза могут смотреть отовсюду. Из каждой тени, из каждой щели, из каждой ветки, качнувшейся на ветру. И ты никогда не знаешь наверняка – это просто игра света или за тобой действительно наблюдают.

Но обо всём по порядку.

Меня зовут Маркиз. Я кот. Рыжий, пушистый и, как говорят мои друзья, ужасно ворчливый. Живу на даче в небольшом посёлке, где каждый знает каждого, а по вечерам пахнет цветущей яблоней.

У меня есть друг Чирик. Маленький коричневый воробей, который когда-то замёрз на моём крыльце. Теперь мы неразлучны. Он любит поболтать, я люблю поворчать.

Ещё у меня есть ёжики. Трое. Живут под крыльцом, вечно голодные и суют носы куда не просят. С самым маленьким я подружился в грозу – я вытащил его из-под дивана и грел всю ночь. С тех пор он смотрит на меня как на божество.

Есть ещё Шуша. Маленькая серая мышка из подвала старого сарая. Появилась недавно, сбежала откуда-то, мы приняли её в компанию. Тихая, незаметная, но своя.

И есть тётя Зина. Приносит сосиски. За это я готов простить ей даже голос, от которого уши сворачиваются.

Обычная дачная жизнь.

Так я думал до того самого вечера.

До того, как в нашем лесу появился ОН.

Глава 1. Последний спокойный закат

Тот день начинался обычно.

Настолько обычно, что если бы я знал, чем он закончится, я бы вцепился когтями в рассвет и орал, пока солнце не спряталось бы обратно. Но солнце взошло. Как всегда. Как ни в чём не бывало.

Я проснулся от света. Солнце нашло щель в занавесках и принялось щекотать нос. Я жмурился, отворачивался, накрывал морду лапой – бесполезно. Оно забиралось в уши, щекотало усы, заставляло щуриться и ворчать.

– Да встаю я, – проворчал в пустоту.

Потянулся. Хрустнул спиной, зевнул во всю пасть. Муха на люстре вздрогнула и перелетела на шкаф.

Спрыгнул с дивана. Пол прохладный, деревянный, с пахучими щелями. Прошёл на кухню, проверил миску. Вчерашняя сосиска лежала на месте, розовая и аппетитная. Есть не хотелось. Хотелось сидеть на крыльце, смотреть на мир и ни о чём не думать.

Толкнул дверь носом, вышел.

Утро встретило птичьим гомоном. Кто-то чирикал, кто-то свистел, кто-то выводил трели, а кто-то просто орал, потому что мог. Я никогда не понимал, зачем они так шумят.

Неужели нельзя помолчать хотя бы полчаса?

Пахло мокрой травой, цветущей смородиной и тем неуловимым дачным запахом, который сразу говорит: ты дома.

Роса блестела на каждом листочке. Где-то лениво лаяла собака, без желания кого-то пугать. Лай редкий, сонный – собака тоже наслаждалась утром.

Из-под крыльца доносилось мирное посапывание. Ёжики спали. Я представил, как они лежат там, три колючих шарика, прижавшись друг к другу. Маленький, наверное, в середине – он всегда так делает, чтобы было теплее.

На перилах сидел Чирик. (ударение на ЧИ)

Он всегда просыпается раньше всех. Воробьи не любят долго спать – им надо всё успеть. Сидел, нахохлившись, смотрел на восход. В маленьких глазках отражалось солнце.

– Доброе утро, – чирикнул.

– Ммм, – ответил я. По-кошачьи это означало «и тебе не хворать».

Я уселся на крыльце, свесив лапы, прикрыл глаза. Солнце грело спину, ветерок шевелил усы. Доски крыльца тёплые, чуть шершавые, пахнут деревом и солнцем.

Так мы сидели долго. Может, час. Может, два. На даче время течёт иначе – тянется медленно, как тёплый мёд, и кажется, что так будет всегда.

Потом проснулись ёжики.

Сначала из-под крыльца высунулся нос. Чёрный, влажный, долго нюхал воздух. Показалась голова, потом вторая,

третья – маленький вылез первым. Он всегда лезет первым, даже если опасно. Я не знаю, смелость это или глупость.

– Доброе утро! – заорали они хором и кубарем покатались в траву.

Я смотрел, как они носятся по лужайке, натыкаются друг на друга, падают, встают и снова бегут. Маленький нашёл веточку, пытался утащить, двое других нападали, отнимали, веточка ломалась, и всё начиналось сначала. Живые, беззаботные, настоящие.

– Вечные двигатели, – сказал Чирик.

– Ммм, – согласился я.

В кустах смородины шевельнулось. Я напрягся, но сразу расслабился – это Шуша. Наша новая соседка осторожно выбиралась из укрытия. Боялась выходить, когда много народу, но ёжики её не обижали, и постепенно она привыкла.

Сделала несколько шагов, остановилась, прислушалась. Маленькие ушки двигались, ловя каждый звук. Носик подрагивал. Комочек страха, решившийся выйти на свет.

Ёжики заметили её, подбежали.

– Шуша, иди к нам! – закричал маленький. – Мы веточку нашли, сейчас играть будем!

Шуша робко улыбнулась и присоединилась. Теперь по лужайке носились трое колючих и одна серая пушистая. Маленький пытался научить её догонялкам, но у неё плохо получалось – оглядывалась и вздрагивала от каждого шороха.

– Красота, – сказал Чирик.

– Ага, – ответил я.

Мы ещё долго сидели, наблюдая. Солнце поднималось, жара нарастала, но пока терпимо. Где-то затарахтел мотор – сосед заводил старую косилку. Запахло скошенной травой и бензином.

Я закрыл глаза и задремал.

Сон пришёл неожиданно.

Я стоял в лесу. Вокруг было темно – не сумерки, а настоящая тьма. Я не видел собственных лап. Только смутные очертания деревьев, стоящих слишком близко, ветви переплелись, свет не пробивался.

Под лапами хлюпала вода. Холодная, липкая, противная. Я попробовал отступить – везде было то же самое. Болото.

Я пошёл вперёд. Не потому что хотел – потому что надо было идти. Кто-то звал из глубины.

– Маркиз...

Голос тихий, едва слышный. Он доносился отовсюду сразу. Из темноты, из воды, из самих деревьев.

– Маркиз, иди сюда...

Я хотел ответить – не мог. Хотел остановиться – не мог. Лапы сами несли меня в темноту.

Туман сгущался, выползал из-за деревьев, поднимался из болота, спускался с неба. Густой, липкий, он обволакивал меня со всех сторон, забирался в уши, в нос, в рот. Я задышался, но продолжал идти.

Туман расступился, и я увидел ЕГО.

Тень. Огромная, чёрная, бесформенная. Она стояла впереди, заполняя собой всё пространство между деревьями. У неё не было глаз, но я чувствовал этот взгляд всем телом. Он прожигал насквозь, заставлял сердце биться быстрее, а лапы – дрожать. Тяжёлый, как вся тьма этого леса, и холодный, как болотная вода.

– Кто ты? – хотел спросить я, но из горла вырвался только беззвучный хрип.

Тень шагнула ко мне.

– Маркиз!

Я открыл глаза.

Надо мной нависал Чирик. Глаза его были расширены от ужаса, перья на голове стояли дыбом, крылья полураскрыты – будто он готовился взлететь в любой момент.

– Ты чего? – спросил я, всё ещё не понимая, где сон, где явь. Голос прозвучал хрипло, незнакомо.

– Ты так кричал! – Чирик задыхался. – Я думал, тебе плохо! Я звал тебя, звал, а ты не просыпался!

Я огляделся. Солнце стояло высоко, было жарко. Ёжики возились в траве, Шуша сидела в тени куста. Всё было как обычно. Только внутри меня всё дрожало.

– Приснилось, – сказал я, пытаюсь успокоить дыхание. – Просто дурной сон.

– Ты уверен? – Чирик не успокаивался. – Ты выглядишь...

странно.

– Уверен, – соврал я.

Я не был уверен. Вообще ни в чём не был уверен. Потому что во сне было что-то такое... настоящее. Что-то, что не хотело отпустить.

Мы замолчали. Чирик устроился рядом, всё ещё вздрагивая. Я смотрел в сторону леса и не мог отделаться от мысли, что оттуда на меня кто-то смотрит.

– Чирик, – позвал я. – Ты говорил утром, что что-то видел в лесу. Расскажи подробнее.

Чирик вздрогнул.

– Я... – замялся. – Я летал над полем, там, где трава высокая. Хотел посмотреть, не созрели ли семечки. И вдруг почувствовал... ну, ты знаешь это чувство, когда за тобой кто-то наблюдает?

Я знал. Только что испытал это во сне.

– Я оглянулся – никого. Полетел дальше – опять чувствую. Тогда я сел на ветку и стал смотреть в лес. Долго смотрел. И там... там что-то было. Я не видел, но знал. Оно стояло в тени и смотрело на меня. Не двигалось. Просто смотрело. Потом исчезло. Не ушло, не убежало – просто исчезло. И чувство пропало.

Я посмотрел на лес. Тёмная стена вдалеке. Обычный лес, в котором мы жили всю жизнь. Но сейчас он выглядел по-другому. Враждебно. Чужим.

– Надо проверить, – сказал я.

– Сейчас?

– А чего ждать?

Чирик хотел возразить, но я уже спрыгнул с крыльца.

Мы прошли через сад. Яблони стояли в полном цвету, ветви гнулись под тяжестью будущих плодов. Пахло так сладко, что кружилась голова. Пчёлы гудели, перелетая с цветка на цветок. Всё было мирно, спокойно, обычно.

Миновали кусты смородины, прошли мимо сарая. Из-под двери выглянула Шуша.

– Вы куда? – спросила тихо.

– Проверим кое-что, – ответил я. – Сидите здесь. Все.

Шуша посмотрела на меня с беспокойством, но кивнула. Она всегда слушалась.

Мы дошли до края участка, где начиналось поле. Трава здесь была высокая – по грудь мне, если встать на все четыре. Ветер шевелил её, и она переливалась волнами, как настоящее море.

Лес был совсем рядом. Метров триста, не больше. Тёмный, молчаливый, он возвышался над полем, как стена.

– Там, – показал Чирик. – Вон там, у той большой сосны. Я всмотрелся. Ничего. Только деревья, только тени.

– Я пойду, – сказал я. – Один. Ты здесь подожди. Если что – кричи.

Чирик хотел возразить, но я уже шагнул в траву.

Я шёл медленно, осторожно, стараясь не шуметь. Стебли путались в лапах, цеплялись за шерсть. Ветер шелестел травой, и в этом шелесте чудились голоса. Шёпоты. Вздохи.

Прошёл половину поля – и остановился, будто наткнулся на невидимую стену.

Воздух изменился.

Стал гуще, тяжелее, будто перед самой сильной грозой, какие только бывают. Но грома не было. Не было даже ветра. Пропали все звуки – птицы замолчали, кузнечики перестали стрекотать. Тишина навалилась такая, что заложило уши, и в этой тишине было что-то неестественное, неправильное. Мир замер. Прислушивался.

Я слышал только биение собственного сердца. Оно кололось где-то в горле, готовое выскочить наружу, и каждый удар отдавался болью в висках.

Я сделал ещё шаг.

И вновь почувствовал ЭТО.

Взгляд. Холодный, тяжёлый, немигающий. Он обрушился на меня внезапно, как удар. Шерсть на загривке встала дыбом, хвост сам собой поджался, сердце пропустило удар, а потом забилося с такой силой, что, казалось, его слышно за километр. Весь мир сузился до одного-единственного ощущения – на меня смотрят.

Я замер. Не мог пошевелиться. Не мог дышать. Мог толь-

ко стоять и чувствовать, как этот взгляд прожигает меня насквозь, добирается до самого нутра, выворачивает душу наизнанку.

Он был везде. Из леса, из травы, из неба, из самой земли. Он заполнял всё вокруг, не оставляя места ни для чего другого. Я был маленьким, беззащитным, открытым со всех сторон. И некуда было спрятаться.

Хотел закричать – голос пропал. Горло сжалось, язык прилип к нёбу.

Хотел побежать – лапы не слушались. Они будто приросли к земле, выросли корнями.

Мог только стоять и смотреть в темноту леса.

А лес смотрел в ответ.

Не знаю, сколько это длилось. Может, секунду. Может, вечность. Время исчезло, растворилось в этом давящем напряжении. Я провалился в этот взгляд, утонул в нём, перестал существовать как отдельное существо. Остался только страх – чистый, животный, первобытный.

А потом взгляд исчез.

Так же внезапно, как появился. Будто кто-то щёлкнул выключателем. Воздух снова стал обычным, птицы запели, ветерок зашелестел травой. Всё вернулось на свои места.

Кроме меня.

Я стоял и дрожал. Всем телом. Мелко, противно, неудержимо. Лапы ходили ходуном, зубы стучали, хотя было жарко. Я не мог остановиться. Мышцы сводило судорогой, шерсть

стояла дыбом, и никак, никак не получалось взять себя в лапы.

– Маркиз!

Чирик летел ко мне, отчаянно махая крыльями. Его крик вырвал меня из оцепенения, вернул в реальность.

– Маркиз, ты чего? Ты стоял как каменный! Я звал тебя, звал, а ты не отвечал! Я думал, ты пропал! Думал, оно тебя забрало!

Я посмотрел на него. В его маленьких глазках был такой неподдельный ужас, что мне стало стыдно за свою слабость.

– Пошли, – сказал я хрипло. – Быстро.

Мы развернулись и бегом направились обратно. Я не оглядывался. Боялся, что если оглянусь – снова увижу этот взгляд. Или хуже – увижу ТО, что смотрело. А если я его увижу, то уже никогда не смогу уйти.

Трава хлестала по морде, ветки царапали бока, но я бежал. Чирик летел рядом, что-то кричал, но я не слышал. В ушах стоял только стук собственного сердца – бешеный, рваный, испуганный.

Уже на крыльце, когда дверь захлопнулась за нами, я рухнул на пол. Лапы отказали, подкосились, и я просто лежал, тяжело дыша, пытаюсь прийти в себя. Пот катился градом, шерсть была мокрой, сердце колотилось где-то в ушах.

– Маркиз, что случилось? – Чирик метался по комнате, не находя себе места. – Что ты там видел? Что это было? Оно напало? Оно тебя тронуло?

– Ничего, – ответил я. – Я ничего не видел.

– А что чувствовал?

Я посмотрел на него. В его маленьких глазках был неподдельный страх, смешанный с любопытством.

– Ты знаешь что.

Чирик замолчал. Он знал. Он чувствовал то же самое утром, когда летал над полем.

Мы просидели в доме до самого вечера. Я не выходил. Чирик не вылетал. Ёжики несколько раз заглядывали под дверь, но мы их прогоняли. Не хотели, чтобы они видели нас такими – дрожащими, испуганными, раздавленными. Шуша вообще забилась в сарай и не показывалась. Даже её запах не доносился из-под двери.

Тётя Зина пришла как обычно. Принесла сосиски, почесала меня за ухом, что-то говорила своим сюсюкающим голосом. Я даже не огрызнулся. Просто сидел и смотрел в одну точку. Она посмотрела на меня с беспокойством, но ничего не сказала. Люди не чувствуют того, что чувствуем мы. Для них мир проще. В нём нет теней, которые смотрят на тебя из леса.

Когда стемнело, все разошлись по местам. Ёжики забились под крыльцо, Шуша ушла в сарай, Чирик устроился на перилах.

Я не лёг спать.

Сидел на диване и смотрел в окно.

Луна взошла огромная, белая, холодная. Её свет заливал сад, поле и тёмную стену леса вдалеке. Лес молчал. Но я знал – он не пуст. Он никогда не был пуст. Просто мы раньше этого не замечали, не хотели замечать.

Я сидел и ждал. Чего – не знаю. Может, того, что взгляд вернётся. Может, того, что в окне появится чья-то тень. Может, того, что страх наконец отпустит.

Чирик уснул, мелко подрагивая во сне. Наверное, ему снилось то же, что и мне. Лес. Болото. Тень. Жёлтые глаза.

За окном было тихо. Слишком тихо. Даже сверчки не стрекотали. Даже ветер не шумел. Мир замер в ожидании, затаил дыхание.

Я смотрел на лес и чувствовал, как внутри разрастается холод. Он поднимался откуда-то из живота, растекался по груди, забирался в горло. Скоро он доберётся до головы, и тогда...

Потому что в глубине леса, в самой его темноте, кто-то смотрел в ответ.

Я не видел его. Но знал. Знал так же точно, как знал, что завтра взойдёт солнце. Знал каждой клеточкой своего тела, каждой шерстинкой, каждой каплей крови.

Кто-то был там. Большой, сильный и очень, очень терпеливый. Он ждал.

И я боялся даже думать о том, чего именно он ждёт.

Ночь тянулась бесконечно. Луна медленно переползала по небу, звёзды гасли одна за другой. Небо на востоке начало светлеть.

А я всё сидел и смотрел.

И только когда первые лучи солнца коснулись верхушек деревьев, я позволил себе закрыть глаза.

Но даже во сне я чувствовал этот взгляд.

Он никуда не делся. Он ждал.

Глава 2. Тот, кто смотрит из темноты

Я не помню, как уснул.

Помню только, что сидел на диване, смотрел на светлеющее небо, а потом провалился в темноту. Без снов, без мыслей. Просто пустота. И в этой пустоте не было даже страха – только усталость. Такая, от которой не помогают ни сон, ни еда, ничего.

Проснулся я от тишины.

Не от шума, а от её отсутствия. Обычно по утрам всегда кто-то звучал: птицы, ветер, далёкая собака. Сейчас было тихо. Так тихо, что я слышал, как в моих ушах шумит кровь.

Я открыл глаза.

В комнате было светло, солнце уже поднялось. Муха по-прежнему сидела под потолком – та самая, вечная. Значит, мир не сошёл с ума. Просто замер.

Я спрыгнул с дивана. Лапы слушались плохо – после бессонной ночи они казались чужими, ватными.

Я толкнул дверь носом и вышел на крыльцо.

Утро встретило меня тишиной. Птицы молчали. Даже ветер не шевелил траву. Всё застыло, будто мир затаил дыхание, боясь пошевелиться.

Чирик сидел на перилах. Не чирикал, не вертел головой,

не перебирал перья. Просто сидел и смотрел в сторону леса. Неподвижно, как статуя.

– Доброе утро, – сказал я.

Он медленно повернул голову. Глаза у него были красные, под ними залегли тени. Перья торчали в разные стороны, будто он всю ночь их теребил от беспокойства.

– Ты как? – спросил он. Голос звучал хрипло, устало.

– Не знаю, – ответил я честно. – А ты?

– Тоже не знаю. Всю ночь не спал. Всё думал... ну, ты знаешь. Про него.

Я кивнул. Знал.

Мы замолчали. Я сел рядом, свесив лапы, и тоже посмотрел на лес. Тот стоял на месте, чёрный и молчаливый. Обычный лес. Но что-то в нём было не так. Что-то, чего я не мог объяснить. Какая-то неправильность, которую чувствуешь кожей, но не можешь описать словами.

Из-под крыльца слышалось шуршание. Я ожидал увидеть привычную картину: нос, голова, кубарем в траву. Но ёжики не вылезли. Шуршание стихло, и снова стало тихо.

Я заглянул под крыльцо.

Они сидели в самом дальнем углу, прижавшись друг к другу. Маленький забился в середину, двое других обнимали его с боков. Они не спали – глаза у всех были открыты, и в них светился тот же страх, что и у нас. Они смотрели на меня, и в этих глазах было что-то, чего я раньше не видел. Не просто страх. Ожидание. Они ждали, что что-то случит-

ся. И боялись этого.

– Вы чего? – спросил я. – Почему не выходите?

Маленький шевельнулся, но с места не сдвинулся.

– Там... там кто-то был, – прошептал он. – Ночью. Ходил вокруг дома. Мы слышали. Долго. Почти до самого утра.

Я замер.

– Видели?

– Нет. Но слышали. Шаги. Тяжёлые такие. Медленные. Всю ночь ходил, круг за кругом.

Я посмотрел на Чирика. Тот кивнул.

– Я тоже слышал. Думал, ты проснулся и ходишь.

– Я не ходил, – сказал я. – Я сидел на диване. Всю ночь.

Мы замолчали. Тишина висела в воздухе, густая и липкая, как мёд. Только муха жужжала где-то в доме – единственный звук в этом замершем мире.

– Выходите, – сказал я наконец. – Солнце уже высоко. Ничего не случится.

Маленький посмотрел на меня, потом на братьев. Они переглянулись, и через минуту все трое осторожно вылезли наружу. Но играть не стали. Просто ходили по траве, то и дело оглядываясь на лес. Маленький нашёл веточку, поднял было поиграть, но тут же бросил и посмотрел на лес. Веточка упала в траву, и никто за ней не побежал.

– Чирик, – позвал я. – Ты можешь подлететь поближе? К лесу? Посмотреть?

Он посмотрел на меня с ужасом. Глаза его расширились,

перья на голове снова встали дыбом.

– Ты с ума сошёл?

– Просто посмотреть. С высоты. Если что – сразу назад.

– А если он меня поймает?

– Не поймает. Ты быстрый. Самый быстрый воробей на всей даче.

Чирик молчал долго. Я видел, как в его маленьких глазах борются страх и желание помочь. Как он переминается с лапки на лапку, как дрожат его крылья.

– Ладно, – сказал он наконец. – Попробую. Но если я не вернусь, ты будешь должен Чирику-младшему рассказать, какой я был храбрый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.